

Виктор Корченев

Мои экстрасенсы

Светлой памяти одесского целителя Романа Соломоновича Шаргородского

В начале 90-х годов судьба свела меня в Одессе с двумя людьми, об экстрасенсорных возможностях которых очень хочется рассказать хотя бы потому, что все, о чем изложу, случилось именно со мной. И расскажи об этом кому-то не от первого лица, никто бы не поверил. Как не верят, впрочем, судя по их скептическим взглядам, не только далекие от медицины люди, но и специалисты различных областей медицины, люди нынешнего 2020 года.

К первому из таких феноменов меня направил кто-то из знакомых, которому я как-то пожаловался на постоянные головные боли. Впервые шел к нему, конечно, с немалой долей скепсиса. Работал он истопником в одесском театре оперетты и принимал пациентов прямо в котельной. Был молод, лет тридцати. Имени, к сожалению, не помню.

От головных болей меня тот экстрасенс своими манипуляциями таки исцелил. Но тут вот что вспоминается. Как-то в ожидании приема я оказался в очереди за одной безучастно смотревшей куда-то в пространство и державшей в руках чью-то фотографию

средних лет женщиной. Она зашла и через некоторое время буквально вылетела.

Вслед вошел я, и после рукопожатия мой целитель сумрачно заявил: «Я поработал с фотографией – ее сына уже нет в живых».

В то время у меня самого была проблема – втихаря жена затеяла отъезд всей семьей в Израиль. В апреле 1991 года было даже получено «Приглашение на постоянное жительство в Государство Израиль» на тещу, жену, дочек, внучку и меня.

Ну куда мне в Израиль? Любимая работа – работал архитектором, любимые увлечения – краеведение и коллекционирование... Друзья, в конце концов. Вот и ходил мрачнее тучи.

И тут на одном из сеансов мой экстрасенс спрашивает:

– Ты чего такой кислый?

– Да вот, – отвечаю, – жена в Израиль собралась. А мне и тут хорошо.

– Не бери в голову, – говорит. – Принеси мне ее фотографию. Я отобью у нее эту охоту.

На следующий раз приношу. Тот кладет фотографию на стол, безмолвно водит над ней ладонью и сообщает:

– Можешь быть спокоен, она больше не хочет в Израиль.

И, видя мой скептический взгляд, поясняет:

– Если не веришь, скажи мне: у нее правое плечо болит?

– Понятия не имею. Никогда вроде не жаловалась.

– А ты спроси.

Вечером после ужина как бы невзначай спрашиваю:

– А как плечо?

– Да болит все.

– А какое: правое или левое?

– Правое.

– А чего молчала?

– Да как-то не приходилось.

Что вы думаете? С того времени разговор об отъезде в Израиль как-то сам по себе отпал. Впрочем, через три года разговорелся с новой силой. Теперь уже жене виделась Америка.

Случилось так, что поликлинический хирург, узрев у меня двустороннюю паховую грыжу, велел незамедлительно лечь в больницу. Там сообщили, что предстоят две отдельные операции.

Пройдя первую, иду по улице. Встречаю знакомого. Выслушав, тот ошарашил новостью, что я, мол, неуч, и мне надо идти не на вторую операцию, а к экстрасенсу. И дал имя и место приема очередного целителя. Тот принимал в клинике на Ярославского. Но после первого же сеанса огорчил признанием, что у него недостаточная для меня энергетика, и порекомендовал другого экстрасенса – Романа Соломоновича Шаргородского.

Что оставалось? Иду к Шаргородскому. Роман Соломонович работал на ювелирной фабрике электриком, но, принимая дома, на Академика Павлова, 10, творил впоследствии своими манипуляциями чудеса со всеми моими внутренними органами. Он справлялся тогда со всем, чем я тогда обладал и что оканчивается на «ит»: гастрит, колит, панкреатит, холецистит и т. д. А в одной из бесед как-то сказал, что, не ожидая «скорой помощи», смог как-то спасти работницу ювелирки – у нее после поражения высоковольтным током прекратилось дыхание и остановилось сердце.

Во время сеансов он сажал меня на стул, усаживался напротив, ладонью вытянутой руки медленно проводил вращательные движения вдоль верхней части туловища, периодически отряхивая ладонь как бы от жидкости и одновременно «завинчивая» руку в пол. Но вот по поводу грыжи Роман Соломонович велел явиться к нему в одну из многих открывавшихся тогда кооперативных лечебниц. По моем прибытии предложил, не раздеваясь, лечь на кушетку. Я лег. Он позвал кого-то и представил:

– Это мой коллега. Мы будем работать вместе. Лежи спокойно и не волнуйся. Все будет хорошо.

После этих слов Роман Соломонович, не касаясь меня, над местом нахождения не оперированной хирургическом путем грыжи стал проводить ладонью круговые движения против часовой стрелки от низа живота к его верхней части. И неожиданно спросил:

– Знаешь, что я делаю?

– Нет.

– Я вправляю грыжу. Чувствуешь что-то?

И тут я почувствовал что-то вроде шевеления кишки. И к манипуляциям приступил коллега Романа Соломоновича. Он стоял рядом и стал над животом производить спиралеобразные горизонтальные вращательные движения. А Роман Соломонович спрашивает:

– Знаешь, что он делает?

– Не знаю.

– Я грыжу вправил, а он теперь зашивает.

И все! «Оперировавшие» предложили встать и идти домой.

– А когда можно выходить на работу?

– Да хоть завтра. Только первое время не «буянить».

Это было, к примеру, в понедельник. Во вторник выхожу на работу и получаю задание в среду поехать на Куяльник, где предстояло произвести обмерные работы заброшенного одноэтажного здания для намечавшегося проекта перепланировки под детский сад.

Двери были заколочены. Пришлось лезть в окно. Работа была выполнена, можно уходить. Выход тот же – через окно. Осторожно влез на подоконник и спрыгнул. Кажется, ничего не почувствовал. Но вечером ощущаю: что-то не то. Наутро звоню Шаргородскому. В ответ на свой рассказ слышу: «Приезжай в лечебницу».

При повторном рассказе услышал нечто вроде: «Ну какой идиот на другой день после операции прыгает из окон? Придется повторить пройденное».

И Роман Соломонович со своим коллегой проделали все свои манипуляции заново.

Спустя недельку пошел в клинику к оперировавшему меня хирургу на консультацию. Его изумление можно не описывать – второй грыжи он не обнаружил.

И еще один цурес хочется описать. Работал я архитектором в небольшой проектной организации, размещавшейся на территории санатории «Фонтан» на 10-й станции. Работу свою любил и частенько засиживался допоздна. Однажды уже часов в десять вдруг почувствовал сильные рези в животе. Даже не мог встать со стула, чтобы поехать домой. Кое-как доплелся до телефона, позвонил Роману Соломоновичу и все рассказал. Тот говорит: «Не клади трубку и молча посиди у телефона пять минут».

Я послушался и постепенно почувствовал облегчение. И тут в трубке раздался голос: «Все в порядке. Можешь ехать домой. Это был песок. Я погнался за ним».

С тех пор прошло более тридцати лет. Все эти годы я с огромной благодарностью вспоминаю своего спасителя, все время думаю о нем, но никогда не прощу себе, что, живя в Америке, ни разу с ним не связался.

А совсем недавно попросил своего одесского товарища посетить Романа Соломоновича. И с горечью узнал, что пару лет тому назад тот скончался.

